

Нельзя впрочемъ не отмѣтить, что и въ своихъ сужденіяхъ о другихъ историкахъ (напримѣръ, о Грановскомъ) П. Г. останавливается почти исключительно на томъ, что составляетъ объективную сторону научной работы, сравнительно очень мало интересуясь тѣми субъективными элементами, которые проявляются въ ихъ обще-философскихъ и этическихъ взглядахъ.

Работы П. Г., какъ объ этомъ уже подробно было сказано въ біографическомъ очеркѣ, обратили на себя серьезное вниманіе и зап.-европейскихъ ученыхъ. Какъ профессоръ, онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ у насъ преподавателей всеобщей исторіи. Въ московскомъ университетѣ, благодаря дружной поддержкѣ историко-филологическаго факультета, уже давно организованы правильныя практическія занятія студентовъ исторіей, которыя происходятъ между прочимъ и подъ руководствомъ П. Г. Въ послѣдніе годы онъ обратилъ вниманіе и на преподаваніе исторіи въ гимназіяхъ, взявъ на себя временно два урока въ недѣлю въ одной изъ московскихъ гимназій, чтобы, послѣдовательно ведя одинъ и тотъ же классъ, постепенно вырабатывать гимназическій курсъ всеобщей исторіи. Результатомъ этихъ занятій былъ изданный имъ учебникъ древней, средней и новой исторіи, отличающійся большими научными достоинствами, хотя и нелишенный нѣкоторыхъ недостатковъ, своевременно отмѣченныхъ въ печати. Насколько этотъ учебникъ пригоденъ для средней школы самъ по себѣ и при теперешнемъ количествѣ уроковъ, это другой вопросъ, и мнѣнія преподавателей исторіи по этому вопросу между собою сильно расходятся. Быть можетъ, онъ дѣйствительно слишкомъ труденъ для гимназистовъ, но это не лишаетъ учебникъ его значенія, какъ одного изъ образовательныхъ пособій. Кроме того, П. Г. оказалъ большую услугу историческому преподаванію и популяризацией историческихъ знаній, взявъ на себя составленіе вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми историками «Книги для чтенія по исторіи среднихъ вв.». Наконецъ, то же желаніе помочь распространенію образованія вообще и въ частности историческаго образованія заставило П. Г. принять весьма дѣятельное участіе въ работахъ московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, въ которой онъ взялъ на себя руководство надъ составленіемъ историческихъ программъ. Такимъ образомъ строго ученую и преподавательскую дѣятельность онъ соединяетъ съ дѣятельностью просвѣтительною въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Н. Карѣвъ.

Брусиловъ, Николай Петровичъ ¹⁾, малоизвѣстный писатель Карамзинской эпохи. Сынъ секундъ-маіора, владѣвшаго небольшимъ имѣніемъ въ с. Скуратовѣ Трубчевск. у., Орловской губ. Брусиловъ род. въ 1782 г. и первоначальное

¹⁾ Ср: 1) «Сѣверная Пчела», 1849 г., № 94 и 101 (замѣтка *И. П. Быстрова*). 2) Воспоминанія Н. П. Брусилова («Историч. Вѣстн.», 1893 г. Апр.). 3) *Гр. Милорадовичъ*. Матеріалы для исторіи Пажескаго Корпуса. Кіевъ 1876.—4) *О. фонъ-Фрейманъ*. Пажі за 183 года (1711—1894) Фридрихсгамъ 1894. Вып. II. 5) *И. К. Степановскій*.

воспитаніе получилъ въ домѣ своей бабушки. Шести лѣтъ онъ началъ учиться грамотѣ по букварю и часослову и въ 1790 г., благодаря хлопотамъ одного своего родственника (П. П. Воейкова), былъ принятъ въ Пажескій корпусъ. Учили здѣсь въ то время немного, чему-нибудь и какъ-нибудь. Въ первомъ классѣ начинали съ русской грамоты и начальныхъ правилъ ариметики, затѣмъ преподавали древніе и новые языки, исторію, а заканчивали въ четвертомъ классѣ «высшими науками» и фортификаціей. Преподаваніе велось крайне небрежно. «Учили, рассказываетъ Брусиловъ, по-гречески и по-латыни, но едва ли кто изъ насъ умѣлъ читать по-латыни и едва ли кто зналъ греческую азбуку отъ альфы до омеги». На урокахъ минералогіи преподаватель занимался изученіемъ французскаго языка, а пажи развлекались чехардой и разнаго рода шалостями. Другіе предметы проходили съ такимъ же интересомъ и успѣхомъ. Брусиловъ, впрочемъ, еще будучи въ корпусѣ, обнаруживалъ болѣе серьезныя наклонности, нежели его товарищи, съ которыми онъ всегда держалъ себя нѣсколько особнякомъ. Здѣсь впервые проявилась въ немъ «страсть къ авторству», выразившаяся въ томъ, что онъ началъ издавать рукописную газету, въ которой «осмѣивалъ, какъ умѣлъ, своихъ товарищей». Узнавъ объ этомъ, инспекторъ классовъ, запретилъ однако ему эту «шалость». «S'il continue, сказалъ онъ,—il deviendra un autre ***». Корпуса Брусиловъ не кончилъ. Павелъ I, старавшійся удалить отъ себя всѣхъ, кто только имѣлъ какое либо отношеніе къ Екатеринѣ II, приказалъ въ декабрѣ 1796 года выпустить 22 пажа въ армію, замѣстивъ ихъ кадетами 1-го корпуса. Въ число этихъ пажей попалъ и Брусиловъ, хотя ему въ это время было только 14 лѣтъ. Совершеннонымъ мальчикомъ онъ былъ назначенъ, съ чиномъ поручика, въ Московскій гренадерскій полкъ. Нисколько не удивительно, что игра въ солдатики, какой являлась для него военная служба, ему въ это время очень нравилась. «Я былъ страстенъ къ военной службѣ и хорошій фронтовикъ, рассказываетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». На 15-мъ году командовалъ я ротой по фронтовой части. Быть на ученьи было для меня лучшимъ занятіемъ, я готовъ былъ учить солдатъ съ утра до вечера». Развлекался такимъ образомъ Брусиловъ, однако, не долго. Строгости Павловскаго времени, особенно тяжело ложившіяся на военныхъ и подвергавшія каждого офицера нерѣдко крайне тяжелымъ случаямъ побудили старика Брусилова въ октябрѣ 1797 г. «взять въ отставку» своего воинственнаго сына и опредѣлить его на болѣе спокойную гражданскую службу въ экспедиціи государственныхъ доходовъ. Б. оставался здѣсь до 1802 г.,

Вологодская старина. Вологда 1890 г. 6) Записки С. П. Жихарева.—Русскій Архивъ. 1867 г. 7) М. М. въ „Энцикл. Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона. 8) О родѣ Брусиловыхъ: Савеловъ, Указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію. 9) „Сѣв. Меркурій“, 1803, ч. II, стр. 41 (отзывъ о „Бездѣлкахъ“). 10) Венгеровъ, Рус. книги. 10) * Геннадіи, Словарь, 12) В. В. В., въ „Сѣв. Пчелѣ“, 1834 г. № 136 (отзывъ объ „Опытѣ описанія Вологод. губ.“).

когда перевелся въ Главное Училищъ Правленіе. Выйдя въ 1806 г. въ отставку, Брусиловъ въ іюлѣ мѣсяцѣ этого же года былъ выбранъ дворянствомъ орловской губ. по трубчевскому уѣзду пятисотеннымъ начальникомъ въ милицію и за наборъ ратниковъ въ подвижную милицію, а также за сформированіе баталіона былъ награжденъ золотой медалью на лентѣ св. Владимира. Впослѣдствіи Брусиловъ иронически относился къ своимъ заслугамъ на этомъ поприщѣ.

«Въ 1807 году, рассказываетъ онъ, находясь въ деревнѣ, я опять имѣлъ случай новоевать. Составлялась милиція, военная кровь опять у меня разыгралась. Мундиръ, эполеты, шпоры радовали меня, какъ малое дитя. Сколько разъ дѣлалъ я планы кампаніи, на голову разбивалъ французовъ, гналъ Наполеона, бралъ его въ плѣнъ, съ мечомъ и пламенемъ обтекалъ вселенную и въ самомъ дѣлѣ, однажды чуть не разбилъ въ дребезги своего уѣзднаго начальника. То былъ толстый помѣщикъ, отставной ассессоръ, въ рыжемъ парикѣ. Ему вздумалось осмотрѣть мой баталіонъ; пики наши, на всякій случай, были заперты въ сараѣ, который мы изъ учтивости называли цейхгаузомъ. Все наше оружіе состояло въ шапкахъ. Приготовляясь къ этому инспекторскому смотру, я кое-какъ выучилъ мой баталіонъ строиться въ три шеренги и въ два темпа снимать шапки по командѣ: «шапки долой!». И вотъ баталіонъ вытянутъ въ линію, сотни и пятидесятники по взводамъ, я предъ фронтомъ, ждемъ отца командира. Нелегкая угораздила его пріѣхать въ дрожжахъ, да еще такихъ курьезныхъ, какихъ теперь и въ провинціи уже нѣтъ. Онъ былъ плотно застегнутъ кожаными фартукомъ. Лишь показался мой главнокомандующій ассессоръ, я скомандовалъ: шапки долой! Одинъ мужикъ, видно отъ избытка усердія, шибко махнулъ, шапка вырвалась изъ рукъ и ударила прямо въ морду лошади; та съ непривычки къ военнымъ эволюціямъ бросилась въ сторону, дрожки на бокъ, шляпа и парикъ слетѣли съ моего командира, и толстая фигура ассессора безъ парика влячилась предъ фронтомъ. Послѣ столь блистательной побѣды я рѣшился отдохнуть на лаврахъ, поѣхалъ въ Петербургъ».

Въ 1808 году онъ поступилъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній, гдѣ оставался до 1821 г., когда былъ назначенъ вологодскимъ губернаторомъ. Вологда обязана ему устройствомъ бульвара и сада, разведеннаго на соборной горѣ. Въ 1834 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ, вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйств. статск. сов. и съ пенсіей въ 3000 руб. Умеръ 27 апрѣля 1849 г. Погребенъ Брусиловъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Жена была два раза. Первая жена его умерла отъ холеры и потому самъ Брусиловъ всегда очень боялся этой болѣзни.

Брусиловъ напечаталъ:

1) Отдѣльнымъ изданіемъ: Бѣдный Леандръ или авторъ безъ риторики. Спб. 1803 г.—Мое путешествіе. Спб. 1803 (у Сопикова по ошибкѣ 1795). — Старецъ или превратность судьбы. Спб. 1803 г. — Бездѣлки. Спб. 1803. — Плоды моего досуга. М. 1805.—Описаніе Вологодской губерніи. Спб. 1833 г.—(Рукопись этого труда хранится въ Спб. археогр. комисіи).—Переводъ комедіи Мерсе „Гваделупскій житель“.

2) Въ журналахъ: Линдоръ и Лиза или клятва („Журн. Рос. Словесн.“, 1805 г.,

№ 8).—„Исторія бѣдной Марьи“ (ibid., № 9) и рядъ другихъ мелкихъ статей, о которыхъ см. дальше въ статьѣ—„Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго Государства“ (Вѣстникъ Европы, 1811 г., ч. 55, № IV).—О древней русской монетѣ (Ibid., 1812 г., ч. 63, № 11).—„Описаніе древне-русскихъ монетъ“ и „Догадки о причинѣ нашествія нормановъ на славянъ“ (Записки и Труды Общ. Ист. и Древн. Рос.“. М. 1824 г., ч. II, стр. 60—67, 135).

Кромѣ того, въ 1805 году Брусиловъ издавалъ «Журналъ Россійской Словесности».

Первой литературной работой былъ его переводъ комедіи Мерсье «Гваделупскій житель», сдѣланный имъ подъ руководствомъ дяди. Всѣ послѣдующія работы также не представляли собой чего-либо оригинальнаго и самъ Брусиловъ называетъ ихъ подражаніями. Спустя 40 лѣтъ, оглядываясь на свою литературную дѣятельность, онъ характеризовалъ ее слѣдующимъ образомъ: «Карамзинъ и Дмитріевъ издали «Бездѣлки»,—ну, какъ же мнѣ отстать отъ нихъ? и я издалъ «Бездѣлки» и во всей силѣ слова бездѣльныя. Мало того: написалъ «Бѣдную Машу» въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ», «Мое пугешествіе» въ подражаніе де-Метру и еще двѣ или три повѣсти—въ подражаніе не знаю ужъ кому. Наконецъ, началъ издавать журналъ, который, правду сказать, хотя былъ очень плохъ, однако жъ имѣлъ одно достоинство: былъ дешевъ, если, впрочемъ, не дорого за вздоръ платить семь рублей... Тогда существовало общество любителей наукъ, словесности и художествъ; я втерся туда какъ-то въ члены. Мы переважно собирались, читали свои сочиненія, составляли протоколы засѣданій и, наконецъ, приступили къ изданію журнала, который, *sauf l'honneur*, кажется, не многимъ перешеголялъ мой»...

Дѣйствительно, всю литературную дѣятельность Брусилова нужно разсматривать, какъ сплошное подражаніе главнымъ образомъ Карамзину, съ которымъ онъ во многихъ случаяхъ сходилъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Всѣ повѣсти Брусилова отличаются тѣмъ же сентиментализмомъ, отцомъ котораго считается Карамзинъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что идеаломъ Брусилова была натура, реальность ¹⁾. Спеціальныхъ атрибутовъ сентиментализма онъ старался избѣгать, хотя, конечно, и не въ состояніи былъ отъ нихъ освободиться совершенно. «Есть ли въ книжкѣ сей,—писалъ онъ въ заключеніи одной изъ своихъ повѣстей,—найдешь ты мало *сентиментальности* (курсивъ Брусилова), оставляю въ концѣ оной двѣ бѣлыя страницы, пиши на нихъ, дополняй что тебѣ надобно. Опиши живописнымъ перомъ то, *чѣмъ всѣ романы наполнены* и чего нѣтъ въ моей повѣсти, то-есть: пріятную долину, ручеекъ, журчащій по камешкамъ между прекраснаго лѣска, заходящее солнце... Скажи, какъ милый звукъ счастливаго пастушка, игравшаго на свирѣли, отражаемый крутыми горами, ограждающими сію долину, живо отдавался въ твоемъ сердцѣ, не позабуди

¹⁾ Бѣдный Леандръ, или авторъ безъ риторики Соч. Н. Брусилова, Спб., 1803 г. стр. 4. Также: „Мое пугешествіе“, Спб., 1803 г., стр. 156.

блеянія овечекъ, лаянія какой нибудь фидельки, словомъ, вмѣсти въ сихъ страницахъ побольше сентиментальности, заставъ милую красавицу, читая твое дополненіе, *выронить нѣжную слезку*» ¹⁾... Въ другомъ мѣстѣ отличительнымъ признакомъ сентиментальныхъ «нѣжныхъ слезокъ» онъ называетъ то обстоятельство, что «положенные на бумагу онѣ возбуждаютъ смѣхъ въ читателяхъ» ²⁾, а самую «сентиментальность» признаетъ «сумасбродствомъ» ³⁾.

До такихъ крайностей и до большаго злоупотребленія сентиментализмомъ, какъ писатели въ родѣ князя Шаликова, Брусиловъ не доходилъ, но, тѣмъ не менѣе, всѣ его рассказы должны быть названы сентиментальными. Всѣ они не чужды нѣжныхъ слезокъ, патетическихъ восклицаній, разнаго рода ужасовъ и часто кончаются чуть не тремя убійствами ⁴⁾. «Исторія бѣдной Марьи», написанная, по словамъ самого Брусилова, въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ» Карамзина, носить на себѣ всѣ слѣды Карамзинскаго вліянія, посвящена «нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцамъ», герой исторіи — Милонъ, «бѣдный поселянинъ», влюбленный въ Марію, дочь богатаго откупщика, убиваетъ себя кинжаломъ при видѣ Маріи, выходящей изъ церкви съ нелюбимымъ мужемъ. Марія, любившая Милона, бросаетъ мужа, отца, родину и удаляется въ бѣдную *жизнину*. Тамъ, *въ цвѣтущей молодости, окончила она дни свои, произнося имя Милона, — имя любезное ея сердцу*. Исключеніе представляетъ собой повѣсть «Бѣдный Леандръ», «всѣ происшествія которой настолько обыкновенны», что Брусиловъ въ предисловіи совѣтуетъ «охотникамъ чрезвычайностей» лучше оставить «Бѣднаго Леандра» и «читать Тайнства Удольфскія и Бову Королевича», но зато и повѣсть нельзя назвать повѣстью, а скорѣе довольно примитивной сатирой на страсть къ авторству. Нужно замѣтить, что вся вообще литературная дѣятельность Брусилова отличается сатирическимъ, обличительнымъ характеромъ, въ особенности издававшійся имъ «Журналъ».

«Журналъ Россійской словесности» издавался только одинъ годъ (1805 г.). Онъ выходилъ небольшими, страничекъ въ 50, нумерами, заключавшими въ себѣ четыре отдѣла: въ первомъ помѣщались — «русскія повѣсти, отрывки о русской словесности, нравственности, театрѣ», извлеченія изъ произведеній русской и иностранной литературы и проч., во второмъ — стихотворенія, въ третьемъ — извѣстія о новыхъ произведеніяхъ русской и иностранной литературы, и послѣдній отдѣлъ — смѣсь, наполнявшійся разнаго рода анекдотами. Почти всѣ оригинальныя и переводныя прозаическія статьи принадлежатъ Бру-

¹⁾ Ibid.

²⁾ „Журналъ Россійской Словесности“, изд. Н. Брусиловымъ, Спб., 1805 г., № 12, стр. 177.

³⁾ Ibid., № 8, стр. 196. Также, № 2, стр. 78 и др.

⁴⁾ „Старецъ, или превратность судьбы“, Спб., 1803 г.; „Бѣдный Леандръ, или авторъ безъ риторикъ“, Спб., 1803 г.; „Линдоръ и Лиза, или Клятва“ („Журналъ Россійской Словесности“, Спб., 1805 г., № 8, стр. 175); „Исторія бѣдной Марьи“ (ibid., № 9). Ср. „Сѣверная Пчела“, 1849 г., № 101.

силову. Кромѣ него, въ журналѣ сотрудничали—И. Н. Пнинъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ за свой независимый характеръ, Бенитцкій, А. Измайловъ, Н. Остолоповъ, Н. Гречъ, И. Похвисневъ и др., однимъ словомъ, лучшіе члены «Вольнаго общества любителей словесности»¹⁾. Это обстоятельство до нѣкоторой степени опредѣляетъ характеръ журнала, его направленіе. «Вольное общество», какъ извѣстно, помимо интересовъ чисто историко-литературныхъ, увлекалось интересами общественными и было до нѣкоторой степени ячейкой, изъ которой развилось декабристское движеніе²⁾. Пнинъ и Бенитцкій, бывшіе особенно яркими представителями этого направленія, внесли общественный интересъ въ «Журналъ» Брусилова, имѣли несомнѣнное вліяніе и на самого Брусилова. Всѣ почти стихотворенія и басни Пнина, Бенитцкаго, Измайлова и др. отличаются общественнымъ характеромъ. Здѣсь, напримѣръ, помѣщена была извѣстная басня Измайлова: «Истина во дворцѣ», проводящая мысль, что «счастлива та страна, въ которой кроткой царь правдиво говоритъ себѣ не запрещаетъ», басня Пнина «Царь и придворный», въ которой придворный изъ лести сравниваетъ царя съ верхнимъ камнемъ пирамиды, а нижніе основные камни съ народомъ, созданнымъ только для него, а царь на лестъ отвѣчаетъ словами:

„Тотъ камень, что свой блескъ бросаетъ съ высоты,
„Разбился бъ въ прахъ—частей его не отыскали,
„Когда бъ минуто хоть одну,
„Поддерживать его другіе перестали“.

Такимъ же характеромъ отличается его «Ода на правосудіе», письмо къ издателю, «Сочинитель и цензоръ» и др. Первые годы царствованія Александра I, подававшіе такія блестящія надежды, съ такимъ восторгомъ встрѣченные лучшей частью русскаго общества, нашли себѣ сочувствіе и въ «Журналѣ россійской словесности». Чуть не на каждой страницѣ, въ стихахъ и прозѣ, находимъ мы панегирикъ Александру I, «водворившему любовь къ наукамъ», этому «Титу россовъ, одаренному всѣми добродѣтелями, царю и человѣку свойственными»³⁾.

Если суммировать всѣ общественные вопросы, которые обсуждались въ журналѣ Брусилова и въ большинствѣ случаевъ имъ же самимъ, то они сведутся къ слѣдующему:

Больше всего и чаще всего останавливался Брусиловъ на галломаніи, на

1) Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ было основано въ 1801 г. и прекратило свое существованіе въ 1824 г. Въ 1802—1803 гг. „Обществомъ“ былъ изданъ альманахъ, „Свитокъ музъ“ въ 2-хъ частяхъ, въ 1804 г.—„Періодическое изданіе“ и въ 1812 г.—„С.-Петербургскій Вѣстникъ“.

2) Критико-біографическій словарь С. А. Венгера, Спб., 1891 г., т. II, стр. 232.

3) „Журналъ“, ч. I, стр. 51, 55, 132, ч. II, стр. 52 и др.

увлеченіи современнаго ему общества французами. Въ статьѣ о воспитаніи, помѣщенной въ первомъ же номерѣ «Журнала» ¹⁾, Брусиловъ говоритъ: «нельзя безъ прискорбія видѣть, что воспитаніе нашего юношества совершенно въ рукахъ иностранцевъ», при томъ же «недостойныхъ сего званія, взятыхъ съ площади, парикмахеровъ и лакеевъ». Этимиъ объясняетъ онъ пристрастіе ко всему иностранному съ одной стороны и съ другой презрительное отношеніе ко всему своему, незнаніе родного языка, русской литературы, полнѣйшее невѣжество относительно всего русскаго. Объ этомъ онъ говоритъ не разъ не только въ журналѣ ²⁾, но и въ своихъ сочиненіяхъ, изданныхъ отдѣльно, при всякомъ удобномъ случаѣ. Входитъ онъ, напримѣръ, въ ресторанъ, подають ему обѣдъ, изготовленный французскимъ поваромъ. «Настоящее,—воскликаетъ онъ,—родитъ будущее. Мнѣ пришло въ голову пристрастіе, царствующее у насъ ко всему иностранному... Ахъ! Пусть въ образованіи ума и вкуса слѣдуютъ иностранцамъ, но желалъ бы я, чтобы сердца русскихъ были образованы русскими, чтобы характеръ національной пребылъ неизмѣняемъ!» ³⁾. «Презрѣніемъ» къ родному языку объясняетъ Брусиловъ упадокъ русской литературы, отсутствіе выдающихся авторовъ ⁴⁾. Его возмущали галлицизмъ и иностранныя слова, которыми современные ему авторы пестрили свои произведенія. «Зачѣмъ употреблять иностранныя слова, — писалъ онъ, — когда мы имѣемъ собственные имъ равносильныя?» ⁵⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ врагомъ «словъ и реченій, бывшихъ въ модѣ у нашихъ предковъ», русскихъ архаизмовъ ⁶⁾. Его возмущали выраженія въ родѣ слѣдующаго: «Я вошелъ въ теплую избу—*quel bonheur!* Неужели сочинитель думалъ,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—что слово счастье не такъ выразительно, какъ *bonheur*» ⁷⁾.

Гораздо рѣже, и то лишь говоря о мотовствѣ и жизни помѣщиковъ, касался Брусиловъ печальнаго положенія крестьянъ и дворовыхъ людей. «Если бы, — говоритъ онъ, — молодые люди знали, съ какою трудностью добываются крестьянами тысячи, проматываемыя ими, если бы видѣли они, какъ бѣдные поселяне отдають иногда послѣднее рубище для доставленія барину денегъ, нужныхъ ему на какія нибудь новыя моды, то, конечно, умѣрили бы издержки свои, а съ тѣмъ вмѣстѣ и страшные оброки, ими налагаемые». Дальше *уменьшенія оброковъ* Брусиловъ не пошелъ, да и объ этомъ высказался какъ-то вскользь ⁸⁾. Это тѣмъ болѣе странно, что Брусиловъ былъ, повидимому, горячимъ поборникомъ реформъ Александра I, который хотѣлъ «сдѣлать Россіянъ свободными,

¹⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 9.

²⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 18, 19, 22, 23, 24, 67, 183, 184 и др.

³⁾ «Мое путешествіе», стр. 43, 153, 157; «Бездѣлки», стр. 11—13.

⁴⁾ «Бѣдный Леандръ», стр. 32.

⁵⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 142.

⁶⁾ Ibid., стр. 141.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 28, 68, ч. II, стр. 12.

чувствуя, что управлять рабами не лестно» ¹⁾). Положимъ, что даже такіе люди, какъ В. Н. Каразинъ, признавали необходимость крѣпостного права. Но въ то время, какъ Каразинъ изображалъ всѣ ужасы современнаго ему положенія крестьянъ, поставленныхъ въ полную зависимость отъ произвола грубыхъ помѣщиковъ, изыскивалъ средства для улучшенія этого положенія на словахъ и на дѣлѣ, Брусиловъ въ своихъ сочиненіяхъ не только не обращаетъ вниманія на этотъ предметъ, но склоненъ иной разъ даже идеализировать бытъ «поселянъ» ²⁾). Вскользь говоритъ онъ о неприглядной обстановкѣ крестьянскаго быта, о «бѣдности и нищетѣ, о развалившихся хижинахъ, выбитыхъ стеклахъ» ³⁾). Но останавливаясь на экономическомъ положеніи крестьянъ, Брусиловъ ничего не говоритъ о ихъ нравственномъ развитіи, о школахъ. Въ «Письмѣ о театрѣ» мы находимъ мысль, что для народа необходимо устроить театръ съ особымъ репертуаромъ. Это, по его мнѣнію, имѣло бы огромное воспитательное значеніе. «Я вывелъ бы,—говоритъ онъ,—пьяницу, пропивающаго свое имѣніе, *слугу, который ослушивается своего господина, и показалъ бы всѣ ужасныя смѣдствія непослушанія (!)*, какую нибудь ханжу..., бабу ворожею, крестьянина, который не рыдаетъ о томъ, что его отдадутъ въ солдаты, но который, повинувшись священному долгу, оставляетъ отца, мать, жену, дѣтей, домъ отцовскій, родину, и *идетъ охотою въ солдаты*» ⁴⁾). Понятно, что устроить народные театры не только тогда, но даже и теперь гораздо труднѣе, чѣмъ школы. Брусиловъ заговорилъ о народномъ театрѣ совершенно случайно, говоря о театрѣ вообще, и это единственный случай, гдѣ онъ высказался о народномъ образованіи.

Другой вопросъ, который Брусиловъ затрогиваетъ въ журналѣ ⁵⁾, отчасти въ другихъ произведеніяхъ, можетъ быть названъ женскимъ вопросомъ. Въ статьѣ: «Завѣщаніе умирающаго отца своей дочери» ⁶⁾, авторъ изложилъ свои взгляды на этотъ предметъ. «Женщина, по его мнѣнію, должна учиться хозяйственнымъ или домашнимъ добродѣтелямъ», такъ какъ здѣсь главная сфера ея дѣятельности, какъ жены и матери. Въ то же время она не должна чуждаться образованія и свободное время употребляетъ «на чтеніе полезнѣйшихъ книгъ», къ числу которыхъ Брусиловъ относитъ: «книги Закона Божія» и исторію. Все это рекомендуется дѣлать въ видѣ той роли, которую женщина можетъ играть въ обществѣ. «Ни одинъ витія не сдѣлаетъ такого впечатлѣнія на сердце молодого человѣка, какое можетъ сдѣлать дѣвица, воспитанная въ вѣрѣ и добродѣтели». На моды, на костюмы и вообще на внѣшность дѣвица особеннаго вниманія обращать не должна. Матери, оставляющія дѣтей на попеченіе кормилицъ и нянекъ,

¹⁾ „Журналъ“, ч. II, стр. 165.

²⁾ „Журналъ“, ч. II, стр. 72, 73; „Мое путешествіе“, стр. 130.

³⁾ Ibid., стр. 70.

⁴⁾ „Журналъ“, ч. I, стр. 66.

⁵⁾ „Журналъ“, ч. I, стр. 200, ч. II, стр. 74.

⁶⁾ „Плоды моего досуга“; „Мое путешествіе“, стр. 22—25.

вызываютъ у Брусилова порицаніе. Мать должна сама кормить своего ребенка, такъ какъ «дѣтя почерпаетъ нравъ и способности той, которая его питаетъ» ¹⁾. Женщина, не удовлетворяющая этимъ требованіямъ, вызываетъ рядъ сатирическихъ нападокъ.

Не однѣ женщины давали матеріалъ для скромной сатиры Брусилова. Въ своихъ статьяхъ: «Путешествіе на островъ Подледовъ», «Исторія часовъ», «Зеркало истины» и др., Брусиловъ осмѣливаетъ всѣхъ, начиная съ молодыхъ старшихъ женщинъ и кончая писателями, учеными, медиками. Особенно часто достается отъ него послѣднимъ. «Если бы я не имѣлъ совѣсти,—говоритъ онъ,—я желалъ бы быть медикомъ» ²⁾. Придворныхъ онъ упрекаетъ за лесть и низкопоклонство, ученыхъ за педантизмъ, поэтовъ за «прославленіе людей, недостойныхъ похвалъ», судей за взятки, помѣщиковъ за негуманное отношеніе къ крестьянамъ и т. д. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что сатиры Брусилова не представляютъ собой пасквилей на отдѣльныя личности. Въ данномъ случаѣ онъ держался правила, высказаннаго имъ въ статьѣ о театрѣ: «...Нравы исправляютъ не бранью—брань ожесточаетъ только сердца. Мольеръ и Фонвизинъ осмѣивали пороки, старались людямъ, зараженнымъ ими, открыть глаза и показать ихъ заблужденія: они обращали въ смѣхъ пороки, заставляли краснѣть людей, зараженныхъ ими, но не бранили ихъ» ³⁾. Это, однако, не мѣшало нѣсколько Брусилову писать эпиграммы на ту или другую личность. Но это были эпиграммы, а не пасквили. Въ нихъ осмѣивался недостатокъ той или другой личности, не составлявшій секрета ни для кого. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикой «Книжныя извѣстія» мы находимъ слѣдующее сообщеніе: «Сочиненія нѣкоего стихотворца въ 7 томахъ въ 4-ю долю листа, содержащія въ себѣ разнаго рода поэмы, сонеты, идилліи, эпиграммы, эпиграфы, эпиграммы, сатиры и пр., и пр. самой лучшей доброты, раздавались прежде даромъ; но какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не разошлось ни одного экземпляра, то сочинитель симъ объявляетъ, что сочиненія его впредь раздаваться будутъ желающимъ съ придачею двухъ рублей» ⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь Брусиловъ разумѣлъ нѣту гр. Хвостова, извѣстнаго не столько своими поэтическими произведеніями, сколько способомъ ихъ распространенія. Такимъ же невиннымъ характеромъ отличается его эпиграмма на Державина, или вѣрнѣе на его стихотворенія ⁵⁾.

Что касается критики, то Брусиловъ относился къ ней очень серьезно. По его мнѣнію, рецензентъ долженъ былъ внимательно изучить книгу, обращая вни-

¹⁾ „Журналъ“, ч. I, стр. 16; „Бездѣлки“, кн. I, стр. 3.

²⁾ „Журналъ“, ч. II, стр. 13—14, 68.

³⁾ „Журналъ“, ч. I, стр. 64.

⁴⁾ „Журналъ“, ч. IV, стр. 179.

⁵⁾ „Журналъ“, ч. II, стр. 45. Въ отвѣтной эпиграммѣ Державинъ называетъ Брусилова Булавкинымъ и говоритъ, что ему „чуть слышна булавки боль“ („Другъ Просвѣщенія“, 1805 г., стр. 198). „Сборн. Отдѣл. Русск. Словесн.“, т. V, вып. I, стр. 69.

маніе не только на недостатки, но указывать также и мысли, заслуживающія вниманія, избѣгать колкостей и насмѣшекъ, избѣгать мелочности, ставящей въ упрекъ автору опечатки ¹⁾ и т. д. Въ своемъ журналѣ онъ помѣщалъ рецензіи, написанныя спокойнымъ тономъ, книжки обыкновенно хвалилъ, но нельзя сказать, чтобы въ своихъ статьяхъ обнаружилъ сколько нибудь развитое критическое чутье. Какъ на примѣръ достаточно указать на его разборъ книги Боброва «Херсонида, или картина лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ» (Спб., 1804 г.). «Херсонида,—начинаетъ Брусиловъ статью,—есть твореніе генія. Словесность наша можетъ ею гордиться такъ же, какъ сочиненіями Ломоносова и Державина». Рецензія состоитъ почти вся изъ выписокъ, «взятыхъ на удачу», и заканчивается восклицаніемъ: «Счастлива та страна, которая имѣетъ такихъ поэтовъ!» ²⁾. Всѣ рецензіи, которыхъ, кромѣ того, было очень немного, отличаются такимъ же характеромъ, и если не хуже, то во всякомъ случаѣ и не лучше рецензій, помѣщавшихся въ другихъ журналахъ того времени.

Кромѣ характеристики литературныхъ и общественныхъ воззрѣній Брусилова, «Журналъ» даетъ еще нѣкоторое понятіе о его взглядахъ политическихъ. Участіе въ «Вольномъ Обществѣ», относившемся съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ Радищеву, къ Филанжеріи, Беккаріи, Вольнею и др., дружба съ Пнинымъ и Бенитцкимъ на первый взглядъ позволяютъ предполагать и въ Брусиловѣ симпатію къ освободительнымъ идеямъ XVIII вѣка. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Брусиловъ очень несочувственно относился къ освободительнымъ стремленіямъ Западной Европы. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, онъ рассказываетъ, какъ случайно попалъ въ «страну равенства». — «Ва, здорово, собратъ,—встрѣтили его тамъ,—у насъ недостаетъ пятисотаго члена въ совѣтѣ, ты заступишь его мѣсто; но прежде надо снять тебѣ голову... для того, что ты цѣлою головою насъ выше, а земля сія есть земля равенства!» — «Будьте равны сколько угодно, но я не хочу быть съ вами равенъ». — «А, это аристократъ, — закричали они,—его надобно утопить!» — тотчасъ взвели меня на гору и столкнули въ море» ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ рассказываетъ, какъ одинъ «знатной русской путешественникъ» былъ въ Женевѣ во время междоусобныхъ ея несогласій. Раздоры малѣйшей республики въ свѣтѣ не обращали вниманія Европы, но женевцы занимались симъ также, какъ бы и революціей міра. Когда донесли путешественнику о сихъ раздорахъ *болѣе смѣшныхъ, нежели важныхъ*: «мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что это буря въ стаканѣ воды». «Слово тонкое,—замѣчаетъ по этому поводу Брусиловъ,—ежели взять въ разсужденіе, что все государство Женевское не составляло пятой части нашей Москвы» ⁴⁾. Очевидно, что, подобно Карамзину, и Брусиловъ все

¹⁾ „Журналъ“, ч. I, стр. 5—8, ч. II, стр. 11; „Бѣдный Леандръ“, стр. 20; „Старецъ или превратность судьбы“, стр. 65—69.

²⁾ Ibid., ч. I, стр. 113—120.

³⁾ „Журналъ“, ч. I, стр. 198.

⁴⁾ Ibid., ч. III, стр. 24.

вниманіе обратилъ на внѣшнюю сторону событій конца XVIII в. и проглядѣлъ поэтому ихъ сущность. Такимъ только отношеніемъ къ данному вопросу можемъ мы объяснить себѣ появленіе на страницахъ «Журнала» ¹⁾ неуклюжей по мысли и формѣ, какъ и всѣ творенія графа Хвостова, оды «Безначаліе», заключающей въ себѣ тираду такого рода:

„Несмысленны и духомъ бѣдны,
„Нелѣпныхъ призраковъ творцы,
„О вы, учителя зловредны!
„Печальны въ мірѣ мудрецы.
„Самихъ небесъ вы были чужды,
„Въ царяхъ не находили нужды,
„Вы свѣтъ—безъ васъ мерцала тьма,
„Или текуща кровь и свары,
„Опустошеніе, пожары,
„Есть плодъ крылатаго ума?

Такой если не враждебностью, то во всякомъ случаѣ полнѣйшимъ индифферентизмомъ къ вопросамъ общественной жизни только и можно объяснить то обстоятельство, что авторъ, будучи современникомъ такихъ важныхъ моментовъ въ русской исторіи, какъ конецъ XVIII и начало XIX вѣковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ ограничивается сообщеніемъ внѣшнихъ фактовъ придворной жизни при Екатеринѣ II, сообщаетъ кое-что о царствованіи Александра I и ни словомъ не обмолвился ни о декабристахъ, ни о царствованіи Павла I.

Впрочемъ, несмотря на несочувственное отношеніе къ французской революціи, а также сознаніе того, что «Вольтеръ много сдѣлалъ вреда Франціи», что «переворотъ, сдѣлавшійся въ оной», былъ результатомъ «большею частью его и другихъ философовъ Франціи сочиненій» ²⁾, Брусиловъ помѣщалъ въ своемъ «Журналѣ» массу извлеченій именно изъ этого писателя. Этимъ онъ платилъ извѣстную дань «Вольному Обществу» и его главѣ Пнину. Нужно, однако, замѣтить, что Брусиловъ не принадлежалъ къ «вольтерьянцамъ». Вольтеръ «несносенъ» для Брусилова, «опровергая христіанскій законъ». «Если бы Вольтеръ былъ истиннымъ христіаниномъ, говоритъ Брусиловъ, я бы почиталъ его первѣйшимъ изъ человѣковъ!» ³⁾. Объ этомъ же говоритъ Брусиловъ и въ своихъ воспоминаніяхъ: «Начитавшись Вольтера и прочихъ его собратій, я чуть было не впалъ въ кошунство; одинъ благодѣтельный человѣкъ обратилъ меня на путь истины». Не соглашаясь съ религіозными воззрѣніями Вольтера, Брусиловъ очень цѣнилъ его, какъ писателя и философа, вслѣдствіе чего переводилъ отрывки изъ его сочиненій—«о самолюбіи», «о лести», «о роскоши», «о слезахъ» и т. п. предметахъ, съ идеями которыхъ соглашался, писалъ также

¹⁾ „Журналъ“, ч. I, стр. 107.

²⁾ „Бѣдный Леандръ“, стр. 30.

³⁾ Ibid., стр. 31.

въ подражаніе Вольтеру самостоятельныя статьи («Путешествіе въ храмъ вкуса») и т. д.

Совершенно особнякомъ стоятъ научныя работы Брусилова. Двѣ его статьи по нумизматикѣ: «О древней русской монетѣ» ¹⁾ и «Описаніе древнерусскихъ монетъ» ²⁾, не представляютъ собой ничего выдающагося. Это простое описаніе монетъ, сдѣланное сообразно съ требованіями нумизматики, съ попытками опредѣленія хронологіи. Двѣ другія статьи относятся къ варяжскому вопросу. Въ первой статьѣ отразились и славянофильскія симпатіи Брусилова. Главная идея статьи этой («Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго государства») заключается въ томъ, что «русссы, какъ побѣдители, заставили принять свое имя; но, будучи малочисленнѣе народовъ, ими покоренныхъ, вмѣсто того, чтобы славянъ превратить въ руссовъ, преобразились сами въ славянъ и въ теченіе вѣка исчезли совершенно» ³⁾. Во второй статьѣ («Догадки о причинѣ нашествія нормановъ на славянъ») Брусиловъ говоритъ, что покорили норманы Русь съ той цѣлю, чтобы быть сосѣдями съ Византіей, куда иначе не могли попасть. Этимъ же онъ объясняетъ и походъ Олега на Кіевъ изъ Новгорода ⁴⁾. Главный же его научный трудъ «Описаніе Вологодской губерніи», изданный въ 1833 году академіей наукъ ⁵⁾, представляетъ собой довольно полное описаніе губерніи въ географическомъ, статистическомъ и даже этнографическомъ отношеніи. Брусиловъ собралъ не мало интересныхъ данныхъ о характерѣ населенія, о его занятіяхъ, сообщилъ нѣсколько данныхъ «о половникахъ» въ Устюжскомъ уѣздѣ, о зырянахъ и т. д. Изложеніе строго фактическое.

Въ общемъ, всѣ сочиненія Брусилова заключаютъ въ себѣ очень мало оригинальнаго, лично ему принадлежащаго. Съ одной стороны, въ своихъ повѣстяхъ онъ является подражателемъ Карамзина, или даже переводчикомъ, съ другой стороны, въ журнальныхъ статьяхъ повторяетъ мысли, въ то время далеко не новыя. Вопросы общественной жизни, повидимому, его занимали очень мало, или даже, вѣрнѣе—совершенно не занимали. Что касается до его характеристики, какъ человѣка, внѣ его взглядовъ литературныхъ и общественныхъ, то, по словамъ одного изъ людей, лично съ нимъ знакомаго, Брусиловъ былъ «благородный, правдивый, чувствительный и добрый товарищъ» ⁶⁾.

Вл. Боцяновскій.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1812 г., ч. 63, № 11, стр. 225.

²⁾ „Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей“, М., 1824 г., ч. II, стр. 135.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1811 г., ч. 55, № IV, стр. 284.

⁴⁾ „Записки и Труды Общ. Исторіи и Древн. Росс.“, М., 1824 г., ч. II, стр. 60—67.

⁵⁾ „Русскій Архивъ“, 1867 г., стр. 1689.

⁶⁾ Записки С. П. Жихарева.